

Londonская премия представляет писателя

Ксения Гильман

Повести временных мест

Ксения Гильман
Повести временных мест
Серия «Лондонская премия
представляет писателя»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56150123

*Повести временных мест: избранное / К. Гильман: Интернациональный
Союз писателей; Москва; 2020
ISBN 978-5-907306-89-9*

Аннотация

Меня спрашивают: «Почему ты так назвала книгу?» – пожимаю плечами... По моим высоким скулам видна кровь кочевников. Много лет назад один шаман – настоящий, не ряженный – сказал мне, что видит мою жизнь, как повозку в поле. «С тобой на этой повозке, – добавил он, – все то, что ты любишь». Делиться дарами этого странствия – вот что я люблю...

Содержание

Вместо пролога	8
Обсидиановое зеркало	10
Ночь	11
Ковчег на Кубу	12
Молодость	14
Тридцать три	16
Псалом 33	18
Талисман	20
Любовь	22
Сигарета	24
К Мастеру	26
Питер	28
Ветер с моря	30
О...чество	32
Пари	33
Алиса	34
Сказка сказок	36
«Я – все, в твоей сходящейся точке...»	38
«Есть небо и птица, летящая в небе...»	39
Окарина	40
Блокноты	41
Дурацкие песни	43
Мед поэзии	44

Дыхание	46
Человек	47
Эверест	49
Коньяк	50
Между нами	52
Балласт	54
Теорема Белла	56
Мессия поневоле	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Ксения Гильман
Повести временных мест

Творческая биография

Ксения Гильман родилась и выросла в Иркутске в творческой семье. Начала писать стихи, песни и прозу еще в детстве. Получила высшее историческое образование. В 2009 г. переехала в Москву, поступив на режиссерский факультет ГИТИСа, который окончила в 2013 г. В настоящее время выступает со своими стихами и песнями в Москве и в других городах, а также участвует в театральных постановках. Как поэт и прозаик публикуется в различных журналах и альманахах, сборниках поэзии и малой прозы, на интернет-ресурсах. В 2018 г. выпустила первую книгу стихов «Остинатные рифмы». Неоднократно становилась дипломантом и лауреатом российских и международных литературных и музыкально-поэтических конкурсов и фестивалей в номинациях «Поэт» и «Автор-исполнитель». С 2019 г. является слушательницей Высших литературных курсов при Литературном институте им. Горького.

Вместо пролога

*Повести временных мест обитания —
хроники странствий киберарбы,
мысли о том, кем же все-таки стану я
ближе к финалу бродяжеской судьбы,
будет ли мне в этом торге отвешено
личного счастья и вечной любви?..
Хоть и поэт я, а все-таки — женищина,
в роде каком ты меня ни зови.*

*И не гляди ты, что в столбик записаны
краткие выжимки из дневников,
древние висы и детские истины
в рюшах изысканных обиняков:
форма не главное в этих побасенках
детской и все-таки древней души,
что не хотела бы числиться в классиках,
важно взирая с парнасских вершин.*

*Яблочко, с дерева рано упавшее,
битое с боку — не морщись! — держи...
Хмурые критики, виды выдавшие,
пусть не глядят на мои виражи,
ведь не затем по тарелочке лаковой
катится яблочко, чтоб удивлять:*

*памяти родственной дым, обволакивай
всех, кого больше не держит земля!*

Обсидиановое зеркало

Я гляжу в обсидиановое зеркало,
укротив биенье мыслей и дыхание:
все минувшее в зеркальной мгле померкло,
что откроется – не ведаю заранее.
Что минуло – то ночной водой умоется,
все, чему свое давала имя я,
успокоится и с миром упокоится
под холодным мягким саваном предзимия.
Что откроется – тому дорога белая!
Да святится то, что полночи неведомо!
Никогда еще так прежде не умела я,
словно бусами, играть своими бедами.
Я гляжу в обсидиановое зеркало:
предо мной в узор причудливый сплетается
все, что суть мою лепило и коверкало,
все, что было, все, что есть и что останется.
Ключ – в замке, слова – ветрам, склониться – некому...
Светляки кружат во мгле обсидиановой,
и дрожит река под сомкнутыми веками,
как под толщей ледяной, рождаясь заново.

Из цикла «Обсидиановое зеркало», 2014

Ночь

Все застыло в молчании: ночь надо мной,
словно птица, раскинула темные крылья.
То, что, тлея под солнцем, казалось мне былью,
с легкой пылью смешал теплый ветер ночной.
Все спокойно: ни шороха в мире теней,
лишь, покорные долгу да спящему богу,
фонари освещают пустую дорогу
и меня, потерявшую надобность в ней.
Дремлют важные клены, и вещие сны
о дождливом и ласковом северном лете
снятся им, великанам, невинным, как дети,
и от слез их зеленые лица влажны.
Дремлют окна и люди... Но, впрочем, и те,
что не спят, за тяжелыми шторами спрятав
вековую рутину любовных обрядов,
растворились в забывшей себя темноте.
Все спокойно... Я здесь, я не знаю пути,
нет ни цели, ни боли в скитании этом:
можно просто идти под серебряным светом,
можно просто идти, можно просто идти...

Ковчег на Кубу

(песенка уличных музыкантов)

Ковчег на Кубу уходит сегодня ночью,
но нет билетов, нет денег и смысла жизни...
Есть слух и голос: второй не всегда, но точен,
поскольку первый обычно безукоризнен.
Мы просим мало: всего-то любви до гроба,
за гробом – Бога, и хлеба с вином на ужин...
Какая жалость, что ангелы смотрят в оба:
из нас на Кубе никто никому не нужен.
На наших песнях не въедешь в большую моду,
от наших крыльев одни лоскуты остались,
лоскутным небом накрылись былые годы,
и пароходы уходят куда-то в старость.
Очки круглы, ты с гитарой – почти испанец,
загар – к лицу, и подробностей он не выдаст...
Но вот вчера тебе мама купила ранец
и тот костюм, что остался малым на вырост.
Прорех души не прикроешь джинсой дырявой,
усталых рук – не опустишь любви на плечи.
Мы – левый фланг, а она, как всегда, на правом,
но от того, может, даже немного легче.
Прямую трассу до Кубы откроют скоро...
Что там блестит среди мусора и окурков?
Мы соберем весь сентябрьский звон и шорох

с брусчатки серой холодного Петербурга.
И ляжет путь босоногой ораве нашей
в эдем земной, прямо в детство больной планеты,
ведь мы всегда, с той минуты, как стали старше,
хотели в лето и метили только в лето.

2016

Молодость

*Срок больший или меньший,
покуда не стерся
наш след,
зовут бессмертием...*

Т. Манн

Согласно Манну, мы все еще молоды,
ведь мы покинули берега,
мы – словно зерна, что веком не смолоты,
мы гнезд не свили, пустившись в бега.
И дела нет нам до прав, что Писанием,
не нами писанным, нам даны —
нас вечность выбрала точным касанием
луча, что пел чище всякой струны.
Мы из подвалов мирной иллюзии,
что нас душили в объятиях своих,
уходим: окнами, лазами, шлюзами,
пока охрана не помнит про них.
Ломаем кости о ветры встречные,
калечим плечи о внешнюю тьму
и не всегда успеваем заплечные
горбы раскрыть, к стыду своему.
Мы знаем – сотнями в бездну падали
шуты Любви, заглядевшись на свет...
Так лучше, чем, причащаясь падали,

дожить в достатке до святости лет!
И мы – седые, но все еще молоды,
поскольку в венах штормит, на беду,
неспетых песен соленое золото
для тех, что в небо за нами пойдут...

2016

Тридцать три

Мне тридцать три. Я в возрасте Христа.
Я, кажется, старею.

Мой давний бред, заветная мечта —
повеситься на рее,
да сквозняки порвали паруса
иллюзии последней,
и не видать бесславного конца
мне, тридцатитрехлетней.

Мой «Англетер» сдается за рубли,
да ни рубля в котомке,
и не сплетут мне шелковой петли
надменные потомки...

О том о сем за праздничным столом
в помин бывшего года
сегодня пью не с теми, с кем потом
искать я стану брода,
сны бороздить и радоваться дням,
лечить от мелких ссадин
сердечный слиток, ребра пополам
ломавший черта ради...

Мне тридцать три: три тысячи чертей,
имен, фамилий, отчеств...

Ни светлокрылых песен, ни детей —
лишь бред дурных пророчеств.

Беспутицей запутанных идей
по бездорожью смыслов
месила грязь, да не прознала, где
петля моя повисла.
Где мой покой, обещанный причал
арбе моей усталой?
где ветер сказок, что меня качал,
пока собой не стала?
Мне тридцать три... Иудина стезя —
повиснуть на осине.
Да не моя: мне, видимо, нельзя
к Сереже и к Марине.
Но, фамильярность нежную простив,
они глядят – не судят,
как в мой мотив вплетается мотив,
что Лазаря разбудит...

2016

Псалом 33

*Как лань желает,
как лань желает
к потокам воды,
так желает душа,
так желает душа моя
к тебе, мой Бог...*

Псалтирь

Да воскреснет слово твое, и да стает снег!
Погляди на землю мою, что лежит во льдах...
Как теперь молиться мне, если живу во сне?
Глух мой голос, Господи, запертый в проводах.
Жестяное времечко ломится в мертвый дом...
Так душа желает к потокам твоим, Мой Бог,
только ей под силу ли вновь зачерпнуть крылом
от небес твоих, для которых меня берег?
Урони перо на покрытый сукном алтарь —
жду тебя я, Господи, там, где условлено,
потому что нету изъяна во мне, Мой Царь,
кроме ран навылет, куда утекло вино!
Вертоград мой, Господи, вырубил жадный вор,
изорвал меха мои бред молодых годов,
но пока притих целый мир, на расправу скор,
припади ко мне, низойди из своих садов!
Да воскреснет слово во мне, и да станет свет!

Искуплю мой страх чистым золотом новых строф...
Только не молчи, не молчи, не молчи в ответ
на мою понапрасну пролитую любовь!
Опали огнем и взорвись у меня в груди,
не псалмом, так песней – но только не будь немым!
Я уже над пропастью, Господи, погляди,
мне вспороли спину созвездья твоей зимы...
Мне под силу, Господи, выстоять на ветру.
Погляди: босая иду по одной струне,
как плясун канатный, что верит в свою игру,
даже если знает, что нету пощады в ней.
Оборви все нити и дай мне ступить самой —
пусть хохочет площадь, юродством моим сыта.
Только так и надо идти, чтоб дойти домой:
доплясать до неба нельзя, не сносив креста.
Плеть ветров твоих хлещет по сердцу между строк,
из-под всех заплат пробивается белый пух...
Потому что нету изъяна в тебе, Мой Бог,
ибо не был нем ты, но был недалек мой слух.

2016

Талисман

Что там, в твоих краях, зовется летом?
Прохладный бриз, соленая вода,
ступни босые на песке прогревом
и горизонт, зовущий в никуда?
Не вымытая с вечера посуда —
вчерашняя пирушка удалась! —
случайный синий взгляд чужого чуда,
морщинки от улыбок возле глаз?..
В моем скиту, в моей высокой башне
из белой кости да из серебра,
зовется летом этот чай вчерашний,
слепых теней вечерняя игра,
плед, сигарета – здесь совсем не жарко —
и золотой заморский апельсин...
Я не нашла бы лучшего подарка —
от сердца к сердцу, только попроси!
А ты не пишешь и давно не просишь
ни бога, ни порога, ни тепла:
сам по себе ты, сам себе приносишь
ту радость, что я прежде берегла...
Но, если вспоминаешь, хоть нечасто,
мой строгий профиль, голос низкий мой,
то подари мне что-нибудь на счастье,
когда вернешься осенью домой...

Пожалуйста, купи мне на базаре,
что в пыльном южном городе один,
у девочки с блестящими глазами
ракушку – я прижму ее к груди!
Ты привези мне милую игрушку,
вселенского покоя завиток,
спиральную галактику – ракушку,
запомнившую моря шепоток.
Проверь, шумит ли в ней оно, как в чашке
шумит моя зеленая тоска...
Чтоб чайки, сосны, соль, песок, барашки...
...и чтоб в твоей спала моя рука.

2016

Любовь

Любовь – это миг, когда понимаешь,
что купишь три ночи ценой тех лет,
в которых ни длительности не исправишь,
и тех, при которых ключа еще нет,
это – очередь в пасмурном мае
за победой в последней войне.

Любовь – это шаг от развалин империи
к степному поветрию, нимб очертя.
Какие бы нимбы мы прежде ни мерили,
теперь в нас – ночлежка для четных чертят,
и сколько грозили им строгими мерами,
а всё беззаконий пресечь не хотят.

Любовь – это облако, чьи очертания
на прошлое брошены сетью пустой,
море, что помнит наши скитания
на всех парусах под хоругвью святой,
и эти украденные свидания
с уходящей навек красотой.

Это стаи, что вопреки тяготению
летят на север, осколки миров,
что ранят стопы бродящей тенью
нищенки с именем гордым – Любовь,
рассвет на десерт ко всенощному бдению
родившимся под созвездием сов.

Любовь – это миг, когда принимаешь
весь мир с его песнями, даже без слов,
когда бесталанной облаткой таешь
в пасхальную вечность под хор голосов,
когда впервые касаешься клавиш,
взлетаешь выше железных лесов...
Любовь – это просто, когда ты знаешь,
просто знаешь, что это любовь.

2016

Сигарета

Если бы ты, докурив меня, как сигарету,
молча выбрасывал за борт то, что осталось,
я бы сдавалась и вновь умирала к рассвету,
каждую смерть превращая в последнюю шалость.
Я бы молилась навзрыд каблукам и колесам,
что, разделив мою плоть на бессвязные всхлипы,
не задавали бы мне основного вопроса:
кем мы друг другу с тобой называться могли бы?
Что им, спешащим на ощупь асфальтовой твердью,
дышащим этой промозглой осенней отравой,
всем до меня, обрученной с обещанной смертью,
чье право сильного – самое древнее право?
Что им, сторонникам скучного образа жизни,
всем до того, как мы губим себя и калечим,
каждую ночь, вопреки вековой укоризне,
в свет оправляя такие короткие встречи?
Если бы ты захотел этой вечности в миге,
ласки взамен на рывок из привычного плена,
я бы сняла с тебя все шутовские вериги,
что повелели клонить перед небом колена.
Я бы не стала плести тебе новых заветов,
царство Отцово деля между мною и нею...
Пальцы согрей, закурив перед сном сигарету,
если душа на осеннем ветру леденеет.

2016

К Мастеру

Возьми меня к себе – подельником,
оруженосцем, подмастерьем...
Вели точить по понедельникам
носы твоим гусиным перьям
и начищать до блеска наскоро
тобою брошенное слово,
быть подмастерьем возле мастера
и не просить пути другого!
Позволь мне стать твоей мелодией,
твоей исписанной тетрадью...
Не повтореньем, не пародией,
но – продолженьем, бога ради!
Позволь мне струнами, пожалуйста,
покорно длить твои аккорды
и золотом второго Фауста
родиться из твоей реторты.
Люби меня – строфу последнюю,
что между звезд раскинет корни,
искорени вину столетнюю —
она страшнее всех агоний!
Не дай в огне моим пропасть мирам,
мехам – пролить мое вино...
Я – Маргарита возле Мастера
и не прошу судьбы иной...

Из цикла «Канцонны», 2016

Питер

Залетный ветер плоть мою похитил
и сорок дней по пустошам таскал,
но, грянув оземь, я узнала Питер
в открывшемся мне зеркале зеркал.
В меня глядели львы его и птицы,
нетварным светом тлели купола,
впивалась в окровавленные ситцы
его Адмиралтейская игла.

Неделя сна впадала в отходные,
и – будто кто рассыпал карамель! —
ночных огней цветные позывные
вели челны улиссовы на мель.
Трепал мой ветер радуги напраслин,
мостил асфальт трофейным янтарем,
купал мой дух в густом фонарном масле
и пахнул солью, морем, сентябрем.

А я лежала, жадная до тверди,
и улыбалась бреду моему,
что за одно дыхание до смерти
явился вновь распятому уму.
В бреду я пела с теми, с кем хотела,
и не был лишним мой цыганский альт...

Но теплый воск безветренного тела
безвольно тек на стонущий асфальт.

И Питер, покривив гранит в усмешке,
склонился над окалиной моей,
и я, во тьме приметившая вешки,
брела назад на зов его цирцей.
Но больше голос мой в ключах альтовых
и в верхних «соль», случись когда достать,
не путая святыни и альковы,
не рвался ввысь и не срывался вспять.

Из цикла «Питеромания», 2016

Ветер с моря

Ветер с моря, и губы твои обветрены...
Сколько кануло писем с обочины времени?
Ты скиталась солеными километрами
ради права склониться у царского стремени.
Ты платила за каждое слово золотом,
незатасканных рифм искала,
чтобы нынче шептать их стражам крылатым
Грибоедовского канала.

Ты стоишь, как тезка твоя блаженная,
босиком на снегу, песни ради юродствуя,
и глядят из воды на тебя отражения
Мандельштама, Ахматовой, Блока и Бродского.
Ты охрипла, продрогла и хочешь чаю...
А грифоны так смиренно на тумбах сидят,
только делая вид, что тебя замечают
и за мыслью твоей следят...

Как исправить огрехи не совершённые?
Как от груза беспомощных крыльев отделаться,
если даже пустые иконы оконные
за тебя заступиться теперь не осмелятся?
Что искать, если в воду канала кануло
то, что даже потерей-то не назвать?

В этот раз в его лабиринте каменном
оставайся-ка зимовать!

Он найдет полсвечи и стакан вина в обед,
сумасшедшими вдоволь накормит идеями —
за каким же лешим сдалась весна тебе,
если мели сменились такими неделями?..
Оставайся ловить отражения стройные
в зеркалах этих мутных рек,
потому что грехи твои, ныне покойные,
здесь рассыпали звонкий век.

Из цикла «Питеромания», 2016

О...чество

Ты знаешь, что такое одиночество —
октябрь к обеду...

Так красочны кофейные пророчества,
а принцы – не едут.

Деревья первым заморозком тронуты
и плачут, как дети...

Нет никого в пределах целой комнаты
и вовсе – на свете.

Ты битый час сидишь на подоконнике —
коленки застыли,

гадаешь на тупом дешевом соннике...

Опомнись – да ты ли?..

По ком душа твоя скулит в такие дни,
как чайник на плитке?

По ком-нибудь, кто любит запах осени
и Шнитке...

2016

Пари

Однажды с небом немногословным
я заключила одно пари
на то, что скоро лучом бескровным
вернусь назад в эпицентр зари...

С холеным бесом, глядящим косо,
неравный спор завязала я,
твердя, что жизнь, безусловно, проза,
но, разумеется, не моя.

И с той поры я живу – навьлет,
как пуля-дура, живу – на взлет...
И если бес тот души не вынет,
то, может, небо меня возьмет...

2016

Алиса

Забудь о двери и выбрось ключ,
не смей заглядывать в эту мглу!
Алиса, розовый сад колюч —
твой бред коварней гвоздя в полу...
Зачем тебе в кисее твоей,
в атласных лентах и кружевах
такая цепкость его ветвей,
такая дерзость в его словах?
Зачем садам говорить? Сады
молчат и тайны людей хранят,
а этот — слишком болтлив, как ты,
и, как и ты, суетой объят...
Спокойно спи, не гаси свечи:
во тьме покажется бог весть что,
а если сад говорит — молчи!
Там, верно, бесы среди цветов.
Немало лет утекло с тех пор,
как ты нашла потайную дверь...
Пора оставить весь этот вздор,
а если сад позовет — не верь!
Коты степенны, и королей
наш век давно уже сдал в музей...
Да, этот мир и скучней, и злей,
но он практичнее и трезвей.

Алиса! Зеркало не простит
твоих попыток пройти насквозь,
и даже если тебе претит
игра такая, она – всерьез.
Так скоротечна твоя весна,
пока поклонникам нет числа...
Глядясь в осколки цветного сна,
не замечала ты, как росла.
Кто станет красить твои цветы,
когда зима обретет права?
Алиса! Где ты? Да где же ты?!
Ах, если б знала ты, как права...
Ну что поделать с тобой, дитя?
Сама я скрыть не могу тоски:
ночами жду, что в окно влетят
мои волшебные светляки,
с собой меня позовут опять,
как в тот далекий весенний день,
когда, отправившись погулять,
я путь забыла в страну людей...

Из цикла «Сказки (30+)», 2016

Сказка сказок

В какой-то момент ночь приблизится к точке кипения...
Прошлого больше нет!

Но есть имена, за которыми тихое пение
спящих давно планет...

Возьми мои сны, как подарки ко дню возрождения, —
нет ничего ценней,
чем эти мои пасторали и блюзы осенние
в копоты будних дней.

Бывают глаза, от которых до самого космоса
вдруг пробирает дрожь,
бывают века, по которым без верного компаса
попросту не пройдешь.

И если пока ты не веришь, что сердце излечится,
лишь получив ответ,
то просто смотри, как в засохших колодезях плещется
тихий небесный свет.

Бывают миры, о которых, попав в паутину,
забыла твоя звезда...

Но ветхий закон, нас обрекший тянуть рутину,
обжалован навсегда.

И смуглым виском, и синеющей жилкой под кожей
я тоже уже была!

У нас на двоих и на целое небо, похоже,
осталось лишь два крыла...

Так что же ты сам, с вереницами данностей споря,
не лепишь своей судьбы?

Какого ты ждешь подаянья у мертвого моря,
где в трюмах одни гробы?

Твоим парусам не расправиться в яви небесной,
пока ты на берегу!

Повисни со мною над этой мерцающей бездной,
а дальше – я помогу...

2016

«Я – все, в твоей сходящееся точке...»

Я – все, в твоей сходящееся точке,
пространство без предела и упрека,
грядущий миф, сокрытый в липкой почке,
ночной глагол, бичующий пророка.
Я – реплика, меняющая пьесу,
где был финал заведомо известен,
и юный паж, целующий принцессу,
и гордый царь, послушный Песне песней.
Вселенная – в неспелой увертюре,
сечение, сокрытое в граните,
и море, ожидающее бури,
и Парка, надрезающая нити...
И новый свет, зовущий сердце выйти
из эры незначительных открытий.

2016

«Есть небо и птица, летящая в небе...»

Есть небо и птица, летящая в небе,
трава по колени и смуглые ноги,
вечернего ветра усталый молебен —
безмолвная песня об умершем боге.
И в воздухе, пахнущем сладко и тонко,
пронзительный отблеск нездешнего света...
И где-то — другая босая девчонка
и песня другая, что ею не спета.
И небо, и птица другие над нею,
и всполох зарницы на глади заката,
и степь перед ней, что молчит, зеленея,
о чьих-то кострах, здесь увядших когда-то...
Все круги пройдя, я вернусь в это лето,
что стынет уже сентябрем на излете.
Я буду опять и светла, и раздета,
минувшего бога вкусившая плоти.
И в круге открывшемся все повторится:
закат, и дорога, и ветер, и песня,
и ноги босые, и небо, и птица,
и бог, что сквозь них прорастая, воскреснет.

Окарина

Над полем пела окарина,
был воздух холоден и сух,
последний крик седого клина
чужой мечтой тревожил слух.
Качал ноябрь травы сонно,
и тлели вести на ветру,
что снег, как плат, во время оно
покроет схимницу в миру.
Земля, уставшая молиться
последним стаям о тепле,
забудет голоса и лица
ступавших с миром по земле,
а те, кто брел по руслам мира
без компасов и без ветрил,
у царских врат найдут кумира,
что их когда-то сотворил...
Но есть пути, что между строчек,
есть рваный пульс иных частот,
стай перелетных беглый почерк
и мудрых слов столетний мед.

2017

Блокноты

...здесь где-нибудь платят за ноты,
за рифмы, за всю эту пачкотню?
Так у меня их – блокноты,
тетради, не преданные огню!
Да их у меня так много,
что я сама утомилась считать
по ним расстояние до Бога...
Там что ни верста – распинают Христа.
Там что ни любовь – то зарубка,
совсем не спасает худая броня!

...забыла мой адрес голубка
с привязанным к лапке письмом для меня.
А там, в безнадежной депеше, —
признание сильных и лесть всех мастей...
Но я оставляю все реже
пригоршню пшена для голубки моей.
И лишь продолжаю в тумане,
охрипнув на треть, повторять мой припев
об этой украденной манне,
о найденной в сумраке звездной тропе...

...здесь нужен кому-нибудь этот
весь бред полуночный моих чертенят,

что сами ослепли от света
с тех пор, как стихами вселились в меня?..

2017

Дурацкие песни

Я боюсь, что тебе больше нет места
нигде на свете,
кроме как в дурацких твоих песнях.
Они – дети.
Нет, они даже ближе, нужней, строже,
больней, дальше...
Да простит меня твой дорогой боже —
здесь нет фальши!
Эти вещие сны провожать в люди —
твой труд странный,
как голодных до смысла кормить в будни
одной манной.
Ты ведь знаешь, что это смешно даже —
ломать стену...
Тот, кто целился в небо, тот не промажет
в твою тему.
В честь твою возведут по весне разве
квадрат черный...
Но на той стороне тебя ждет праздник:
взойдут зерна.

2017

Мед поэзии

Нет ничего важней и проще слов,
которых не найти в тотальной спешке...
Как много листьев ветром намело,
как много света в солнечной усмешке!
Ну почему не запасают свет
по осени, как яблоки и соты?
Под небом ничего вкуснее нет,
чем эти сласти ангельской работы!
Зимой, когда поставят холода
унылую пластинку сожалений,
как было бы приятно без труда
достать себе засахаренной лени,
под старым пледом возле камелька
отогреваясь, длить течение слога
и понимать, что каждая строка
не доросла до музыки немного...
Ведь на пайке из памяти и снов
все легче дотянуть до первых почек,
цедея по капле летнее вино
и пестуя сухой неровный почерк...
Потом, застыв на кромке новых дней,
когда лучи коснутся самой сути,
сухой остаток будущей весне
отдать, как долг в рифмованной валюте.

2017

Дыхание

Из высокого горла пустого колодца
вырастало прохлады миндальное древо,
было слышно, как маленький будда смеется,
отпуская с руки нежный трепет напева.
Мотыльком ускользя из детского плена,
оставляя на пальцах пыльцу золотую,
поднималась мелодия к сердцу вселенной —
улыбался расставивший сети впустую.
Лепестками миндальными в небо летели
те минуты, что минули музыки ради,
бесконечность, живущая в крошечном теле,
рисовала ключи на песчаной тетради.
Все, что станет историей завтрашней жизни,
было только невинным хрустальным истоком,
улыбалась любовь, что чужда укоризне,
и мелодия таяла в небе высоком.
Лепестки опадали, смеялся ребенок,
пустоту на ладони считая наградой,
луч скользил по лицу его, светел и тонок,
и дышала весна медоносной прохладой...

Человек

Да, ты со всем взаимосвязан
и бесконечно одинок —
представь себе, несчастный, разом
такое сочетание черт...
Се человек! Рожден, помазан
и обречен нести оброк,
вменяя смысл общим фразам
про одиночество и смерть.

Но жизнь – не сон и не кибитка,
что мимо катится, скрипя,
пока ты вечных истин ищешь
среди своих седых томов...
Она – ценней любого слитка,
и дальновиднее тебя,
и верит только тем ответам,
в которых теплится любовь.

Однажды, сколько ни противься,
весна протиснется в пробел,
и треснет лед твоей дремоты
над пробудившейся строкой,
все почки превратятся в листья,
и небо вызреет в тебе...

И ты узнаешь, для чего ты,
и вспомнишь, кто же ты такой.

2017

Эверест

Если не носишь неба внутри,
ты ничего не увидишь вверху,
как ни подпрыгивай, ни смотри...
Эй, разгреби-ка сперва шелуху,
выкинь весь хлам и раздвинь ряды
ветхих понятий о том о сем!
Выпей сперва неживой воды
и помолись обо всем живом.
Ты испокон – и король, и раб,
ты отродясь – и палач, и шут,
ты изначально позорно слаб,
потенциально – безмерно крут.
Крылья отложены на потом,
сердце – на вырост, как богу – крест...
Сам-то ты выдержишь под крестом
три восхождения на Эверест?

2017

Коньяк

У осени не осталось для нас тепла —
мы порознь вяло тянем ее коньяк.
Не жалуйся на усталость, и я была
у двери, глазок которой глядит во мрак.
Я вовсе не утверждаю, что я права:
глаза не расскажут много, язык – солжет...
Но, знаешь, ведь и под снегом растет трава,
не ведая, кто в апреле ее сожжет.

Не жду, что пасьянс сойдется на этот раз,
но все же упрямо карты кладу на стол:
я знала другие звезды до этих глаз
и каждой понаписала баллад по сто...
Зато у меня в запасе один патрон —
навyleт, навзрыд и навзничь... На белый шелк...
Я знаю так много басен иных времен,
я помню так много песен, чей дым ушел!

Над пропастями стояла, прошла по дну,
ветра в рукава вдевала, ныряла вверх,
под шелковым одеялом ждала весну,
под лютым февральским ветром сбивала мех...
Живая вода бывает, любовь горчит,
свобода приходит вместе с уменьем ждать...

...но месяц все убывает, наш бог молчит,
и в небе осеннем стынет одна звезда.

2017

Между нами

В небе твоём происходят такие вещи,
что у меня перехватывает дух...
Осень, как проигравшийся в пух помещик,
ставит свой старый блюз против новых двух.
Кем ты любим, для кого твоя плоть ночами
тлеет, как мокрый порох на мостовой,
мне все равно, ведь по-честному, между нами...
Я только сон – и к тому же уже не твой.

Можешь прильнуть к моему витражу губами:
пьяным дыханием не растопить стекла.
Но отступить – по-честному, между нами! —
значит забыть, кем я раньше тебе была.
Только тебя эта память ждала у входа,
даже когда ты с другими делил постель,
даже когда нам в нелетную ночь погода
не предвещала радостных новостей.

Встань у окна и смотри: на пустом экране
тлеет ноябрьских звезд ледяной неон.
Этот ли свет сквозь портьеры из тонкой ткани
нынче проник в твой тайник, в твой непрочный сон?
Небо зовет, посылая свой стон протяжный,
к самому сердцу тянет лучи луна...

Если по-честному, так не бывает дважды,
и – между нами – я тоже тебе нужна.

2017

Балласт

Еще мой голос не украден,
мой дух сбежал от повитух,
он до презренной жизни жаден —
не хочет славить пустоту.
Ему давно бы примириться
со скучной мудростью основ,
но он заглядывает в лица
грядущих лет и вещей снов.
Он рыщет зверем по болотам,
летит луной по небесам,
привыкший к резким поворотам
и незнакомым голосам,
ведь голоса, что сквозь пространство,
сквозь время тянутся ко мне,
мне рассказали сказку странствий
и быль о мире и войне.
И как мне дальше множить массу
не покусившихся посметь,
то к Вознесенью, то ко Спасу
готова праздничную снедь?
Ведь все, что мне нашепчут музы,
во время гибельной петли
я сброшу вниз балластным грузом
на радость жителям Земли...

2017

Теорема Белла

Из какого бы нынче сора
я судьбы себе ни напела —
вечный спор Эйнштейна и Бора
не решить теореме Белла...
И в какую нору кротовью
ни нырну я теперь за счастьем —
между вечностью и любовью
не хочу себя рвать на части.
Пусть и то, чего нет на карте,
как и то, что поставлю на кон,
греет солнцем в холодном марте,
будет символом, а не знаком.
Пусть забудут меня, но позже,
чем закатится сердце в Лету,
ведь поэзия так похожа
на распятие по секрету.

2017

Мессия поневоле

*Ты всегда волен передумать и выбрать себе
какое-нибудь другое будущее или какое-нибудь
другое прошлое.*

Р. Бах

Выйти из всех, чересчур социальных, сетей,
стать тростником, растерявшим последние мысли,
и полететь сквозь тоннели небесных степен —
сердце пока, а за ним и душа, не прокисли...
Все остальное – попытки себя оправдать,
стать чем-то вроде рекламной заставки себе же.
Падать – не больно, большее совсем не летать,
так и кривляясь шутом на убогом манеже.

Кто здесь научит любить, если каждый второй
прячет на дне свое солнце, покрытое тиной?
Только умеющий сверху следить за игрой
может с улыбкой Христа любоваться картиной.
Только лишившийся веса на откуп ветрам
может взвалить на себя непосильное бремя,
чтобы однажды сложить свой заоблачный храм
из кирпичей, на которых распишется время.

Но оставаться собой на любой высоте —
разве не этому учат мессий поневоле?

Даже когда в твои двери стучались не те,
кто-то тебе обещал: обойдется без боли...
Ты не поверил, но вышел зачем-то в эфир,
новые души ловя в эти старые сети,
чтобы потом наварился разросшийся клир
на неспособных принять неминуемость смерти.

Что ты хотел изменить, если знал наперед,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.